

Ю.А. Евстигнеев

КЫПЧАКИ/
ПОЛОВЦЫ/
КУМАНЫ
И
ИХ ПОТОМКИ

К проблеме
этнической
преемственности

Юрий Евстигнеев

**Кыпчаки / половцы / куманы
и их потомки. К проблеме
этнической преемственности**

«Астерион»

2010

Евстигнеев Ю. А.

Кыпчаки / половцы / куманы и их потомки. К проблеме этнической преемственности / Ю. А. Евстигнеев — «Астерион», 2010

ISBN 978-5-94856-680-1

В работе излагается этническая история группы тюркских кочевых племен XI-XIII вв., известных в странах Востока как кыпчаки, в Византии и в Западной Европе — как куманы, а на Руси — как половцы. Предлагаются ответы на многие вопросы, в том числе: являются ли приведенные выше этнонимы названием одного народа или это были разные, хотя и родственные, этносы. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-94856-680-1

© Евстигнеев Ю. А., 2010

© Астерион, 2010

Содержание

Предисловие	8
Сиры [сеяньто] – кыпчаки	9
Введение	10
Кыпчаки	12
Физический облик племен Дешт-и Кипчака	15
Язык	17
Хозяйство	18
Социальный состав кыпчаков	20
Этнический состав населения Дешт-и Кипчака	21
Верования	22
Половцы / куманы / куны	23
Введение	24
В поисках родины	25
Завоевание Родины	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юрий Андреевич Евстигнеев Кыпчаки / половцы / куманы и их потомки: к проблеме этнической преемственности

Голова (монголоидные черты) женской статуи, XII век.

Каменные изваяния женщины (слева) и мужчины в Северном Причерноморье. XII век.

Предисловие

В далеком прошлом обширная территория Евразии от нижнего Дуная до верховьев Иртыша и далее через Джунгарию в Монголию представляла собой степные пространства, пересекаемые в разных направлениях могучими реками и населенные многочисленными кочевыми племенами весьма разными по внешнему облику и языку но очень сходными по образу жизни, хозяйству и материальной культуре.

В XII – начале XIII вв. основная часть великой степи – от Днестра до среднего Иртыша – была заселена тюркскими племенами, известными в письменных источниках соседних с ними стран под разными этнонимами (этноконами): в арабо-персидских и других восточных странах под именем кипчаков, на Руси – половцев, в Византии и через её посредничество в Западной Европе – куманов. Причём, в Европе не известны кыпчаки, а в странах ислама и в Китае не знали половцев и куманов, на Руси куманы отождествлялись с половцами, а в Грузии известных на Руси половцев хана Атрака именуют кыпчаками (1118 г.). В соответствии с этнонимами существовали географические обозначения степи: Дешт-и Кипчак в странах Востока, Поле Половецкое на Руси и Кумания в странах Запада.

Евразийские степи периода XI–XIII вв. хорошо исследованы археологами и историками, хуже изучена историческая этнология населявших их тех самых племён, этнонимы которых отражены в письменных источниках многих стран Европы и Азии, и которые заложили этническую основу многих современных народов.

Многое остаётся неясным: составляли ли эти племена единый этнос или нет, относились ли к единому расовому типу или нет, говорили ли на одном языке или нет. Какова этническая преемственность этих племён и их предполагаемых биологических потомков.

Предлагаемая книга является попыткой ответить на поставленные выше вопросы.

Приятного чтения! Надеюсь, что оно будет интересным и полезным.

Сирь [сеяньто] – кыпчаки

Источники: древнетюркские надписи Тоньюкука и на памятнике Бильге-кагана, VII в., китайские династийные хроники/ «истории» (IV–VIII вв.).

Литература: Кляшторный С.Г. Наскальные рунические памятники Монголии.// Тюркологический сборник 1975. М., 1975; Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках.// Turcologica. К 80-летию академика А.Н. Кононова. Л., 1986.

Введение

До недавнего времени в тюркологии прочно бытовало мнение А.Н. Бернштама, что этноним «кыпчак» является исконным названием соответствующего этноса (группы племен) и впервые упоминается в китайской династийной хронике в 201 г. до н. э. под названием «кюеше» (Бернштам, 1951). В настоящее время принято мнение С.Г. Кляшторного о том, что исконным этнонимом кыпчаков было их древнетюркское наименование «сиры», упоминаемое в рунических надписях VI–VIII вв. и известное в китайских источниках IV–VIII вв. под наименованием «се», а затем – «сеяньто» (в V в., когда сиры названы вместе с покоренным ими племенами ямтар или яньто). Кыпчаками же сиры/сеяньто стали позже.

В первых веках новой эры в степях от Алтая до Хингана кочевали многочисленные племена, называемые в китайских источниках потомками хунну и известные под общим именем «теле» (тегрег – «телега», т. е. тележники) или гаогюй («высокие повозки») и кочующие на своеобразных повозках. Сами же теле называли себя «огузами» («племена») и конкретными племенами: так, в хронике династии Суй (581–618 гг.) были названы 15 племенных групп (юаньгэ, сеяньто, дубо, гулигань, пугу, киби, доланьгэ, байегу, тунло, хун (кун), сыгье, хусье, адье, хигье, байси), в начале VII в. выделяется конфедерация 10 племен уже не теле, а огузов, в т. ч. сеяньто, хойху, киби, кун, сыгье, адье, тунло, байси, байегу, пугу. После образования Первого Тюркского каганата (552 г.) племена теле вошли в его состав, составляя основу его населения и военную мощь. Распад каганата на Западный и Восточный (603 г.) разделил племена теле (и некоторые конкретные племенные группы, напр., сеяньто) на две части. Уже в 605 году сеяньто, кочевавшие в Восточном Тянь-Шане восстали против Западно-Тюркского каганата и откочевали к своим сородичам в Отюкен (Хангай), Восточный Тюркский каганат, образовав там особый округ (619 г.) во главе с шадом, братом кагана. В 628 году разразилось восстание племен теле (огузов), возглавляемое сеяньто (сирами) и хойху (уйгурами) против восточно-тюркского Эль-кагана. Каган бежал на юг, оставив Отюкен восставшим. Воспользовавшись восстанием огузов, танский император Тайцзун нанес поражение армии Эль-кагана и ликвидировал Восточный Тюркский каганат (630 г.). После падения каганата, борьба за власть в Хангае между сеяньто и уйгурами, начавшаяся после бегства кагана, закончилась победой сеяньто: в Северной Монголии появился Сирский каганат во главе с династией Ильтер. Каганат включал территорию от Алтая до Хингана, от верховьев Енисея до Гоби, со ставкой на северном берегу реки Толы. Административно новый каганат повторял старый (Тюркский) каганат, например, деление на западное (тардуш) и восточное (тёлис) крылья, возглавляемые шадом, сыновьями кагана. В 641 году разгорелась война между сирским Иенчу Бильге-каганом и родственником погибшего тюркского Эль-кагана, а после того, как сиры разгромили этого ставленника Китая, им пришлось сражаться с самими китайцами. В 646 году против сиров восстали токуз-огузы во главе с уйгурами. Они обратились за помощью к китайцам и вместе разгромили сиров. Сирский каганат (630–646 гг.) прекратил свое существование, попытка сиров восстановить его была подавлена Китаем в 668 г. Сиры вместе со своими недавними соперниками древними тюрками оказались под властью танского Китая и в 679 году подняли антикитайское восстание. Два года сиры и тюрки вместе воевали против императорских войск и после победы (681 г.), в восстановленном (втором) Тюркском каганате разделили власть: в надписи Тоньюкука (726 г.) они названы вместе (тюрки и сиры) в качестве господствующих племен (в качестве подчиненных племен были токуз-огузы и другие племена). В памятнике Бильге-кагану (735 г.) тюрки были названы господствующим племенем, сиры («шесть сиров» в источнике) вторыми по иерархии власти племена, подчиненными оставались огузы и эдизы. Однако власть тюрков и сиров во втором Тюркском каганате подверглась испытанию могучим племенным союзом – токуз-

огузов («девять племен») во главе с уйгурами в 687–691 гг., в 714–715 гг. и 723–724 гг., пока очередное восстание токуз-огузов не закончилось разгромом второго Тюркского каганата (в 744 году). Побежденные тюрки исчезли как этнос, но их этноним стал наименованием группы языков (тюркских) и самоназванием совершенно нового народа – турок. Разгромленные племена сиров бежали с берегов Толы и Орхона на Северный Алтай и Восточный Тянь-Шань. После 735 года, когда они упоминаются в последний раз, исчезает их этноним, но не этнос, который лишь меняет одно название, вполне достойное, на другое с уничижительным значением («злосчастные») – кыбчак (кыпчак, кипчак). Окончилась история сиров/сеяньто (С.Г. Кляшторный, Т.П. Султанов, 2004, с. 121–129).

В заключение о сирах/сеяньто можно добавить, что по свидетельству китайских хроник, в частности «Таншу», сеяньто были самые сильные из племён теле, они по своим обычаям сходны с древними тюрками. Во всяком случае, обряды захоронения в сросткинской археологической культуре, которая считается типичной для кыпчаков, являются усовершенственным (усложненным) древнетюркских обрядов трупоположений с конем (особенно в ее развитии второго и третьего этапов, IX–XII вв.). Как и древние тюрки, сеяньто, а за ними и кыпчаки практиковали установки антропоморфных памятников усопшим на курганах...

Кыпчаки

Источники: памятник Элитмиш Бильге-кагана (Селенгитский камень, 760 г.), материалы археологии, в т. ч. палеоантропологии, китайские хроники, начиная с «Таншу»; сочинения мусульманских, главным образом арабо-персидских авторов, особенно труды Ибн Хордадбега (820–913 гг.), «Границы мира» (Худуд ал Алам) анонима (983), Абу-л-Фадла Бейхаки (906–1077 гг.), Насир-и Хосрова (1004–1072 гг.), Абу Саида Гардизи (XI в., годы жизни не известны), Махмуда ал Кашгари (XI в., годы жизни не известны), Абу-л-Хасана Али Ибн ал Асира (1160–1233 гг.), Ала ад-Дина Джувейни (1226–1283 гг.), Фазлаллаха Рашид-ал-Дина (1248–1318 гг.).

Основная литература: исследования С.М. Ахинжанова, О. Исмагулова, С.Г. Кляшторного, Б.Е. Кумекова, К.Ш. Шаниязова.

760 год – надпись на памятнике Элитмиш Бильге-кагана о том, что тюрки и кыпчаки пятьдесят лет господствовали над тогуз-огузами, возглавляемыми уйгурами, стал отправной датой появления нового этнонима, со временем ставшего весьма обычным в историографии средневекового Востока и пережившего сам этнос, носителя этого этнонима...

В VIII в. с года первого упоминания в нарративном источнике названия «кыбчак» до наименования их в списке тюркских племен прошло более ста лет: к этому времени, когда начальник почтовой службы одной из областей Ирана во время правления арабского халифа аль Мутаида (870–892 гг.) в своей «Книге путей и стран» (к IX в.) Абу-л Касим Убайдаллах ибн Абдаллах Ибн Хордадбех назвал ряд тюркских племен – тогуз-гузз, карлук, гуззы, кимаки и в том числе кыпчаков (в арабском произношении хифчак). Очевидно, что после бегства из Отюкена (Хангай, современная Монголия), вызванного разгромом Второго (Восточного) Тюркского каганата (в 744 году), и расселения сеяньто на Северном Алтае (на Тянь-Шане, к северо-западу от города Кашгар в XI веке Махмуд аль Кашгари отмечает «ближних» кыпчаков (Насилов, 2009, с. 290), где их «обнаружили» археологи по характерному обряду погребения, беглецы расселились уже на территории современного Казахстана, где и попали в поле зрения чиновника Арабского халифата. Абу Саид Гардизи, живший намного позже Ибн Хордадбега, на основании более ранних источников в своем труде «Украшение известий» (ок. 1050 г., когда государство кимаков уже не существовало) привел интересные данные о происхождении, как полагают, родственных кыпчакам кимаков, о Кимакском государстве, этническом составе его населения. Кыпчаки занимали в Кимакии особый район – Андар-аз-Хифчак, пользовались известной автономией, но царя им назначал каган кимаков, сами кимаки занимали Прииртышье и назывались йемеками, эймуры (ими) и байандуры расселялись по реке Сыр-Дарья по соседству с огузами, в составе которых помещают их более поздние источники. Неизвестны места обитания татар, аджлад и ланиказ. После падения Уйгурского каганата (840 г.) в страну кимаков последовали новые переселенцы, а за ними еще, после того как усилившиеся в X веке кидани стали вытеснять восточных тюрков с их исконной территории. Степень устойчивости кочевой державы кимаков была подвержена автономией подчиненных племен, управляемыми «своими» царями, она не выдержала напора новых мигрантов, и в степи севернее Хорезма сменился «хозяин». Об этом сообщил иранский поэт и путешественник (следовательно, знал то, о чем писал) Насир-и Хосров аль Марвази в своем «Собрании» («Диван», 1030 г.). Путешествуя по Средней Азии, Насир-и Хосров хорошо знал обстановку в степи на севере близ границ Хорезма, который в то время (XI век) входил в состав государства Сельджукидов, поэтому его сообщения заслуживают доверия. Насир-и Хосров первым и надолго назвал обширные земли севернее Сыр-Дарьи по-персидски Дешт-и Кипчаком, т. е. «Степью кипчаков», вместо их

наименования арабскими географами в X в. Мафазат ал-гузз («степь огузов»). Это значило что: 1) на границах Хорезма уже не господствовали огузы; позже, под давлением новых мигрантов с востока, они ушли в Северное Причерноморье; 2) уже не было государства кимаков; 3) на территории от Иртыша до Волги наиболее сильными стали кыпчаки. Те самые сиры (сеяньто), получившие после ряда поражений название кыпчак, т. е. «злополучные, злосчастные» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 449). Не совсем ясно: то ли сиры сами сменили этноним, чтобы не привлекать злых духов, то ли так их прозвали их враги – токуз-огузы во главе с уйгурами, разгромившие сиров в 647 и в 744 годах. Представляется, что более вероятно второе, ибо впервые сиры так были названы в надписи в памятнике **уйгурского** Элетмиш-Бильге-кагана («кыбчак», 760 г.), а в перечне племен Дешт-и Кипчака в сочинениях арабо-персидских авторов этноним кипчак отсутствует. Быть может семантика этнонима «кыпчак» («злосчастный») ещё не была забыта, как и судьба Сирского каганата, и потому кыпчаки не создали единого государства, подобного Сирскому или Кимакскому каганатам? Но усилившись, они очень быстро, по свидетельству хорасанца Абу-л-Фазла Бейхаки в своем труде «История Масуда» (1035 г.), проникают в Хорезм и приобретают в нём большое влияние. Роль кыпчаков в истории Хорезма хорошо изучена казахстанским историком С.М. Ахинжановым в его работе «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана» (Алмата, 1989), которая и стала основой настоящего исследования (привлечение других авторов будут оговариваться особо со ссылками на их работы).

Первые сведения о союзнических отношениях между Хорезмом и кыпчакскими племенами известны с конца XI века. В 1095 г. сельджукским султаном Санджаром в подвластный ему Хорезм был назначен хорезмшахом его гулям (раб) Акинджи ибн Кочкар из племени кунов, этнически родственном предкам кыпчаков – племенам сиров (куны вместе с сирами/ сеяньто упоминаются в китайских источниках IV–VI вв. в составе племен теле). Акинджи ибн Кочкар в 1096 году погиб, его сын Тогрул-тегин заключил союз с кипчаками Мангышлака и выступил против шаха Хорезма с целью возвращения власти, но неудачно. Дальнейшая история взаимоотношений Хорезма и кыпчаков не известна до конца XII века. К этому времени в Дешт-и Кипчаке произошли определенные сдвиги в передвижениях и перегруппировках племен, часть их ушла в Северное Причерноморье, определились очертания более-менее стабильных владений. В Хорезме вступил на престол, вначале как вассал сельджукского султана (1172 г.), а с 1194 г. независимой страны хорезмшах Абул Музаффар Текеш (1172–1200 гг.).

В 1182 г. центр одного из владений кыпчаков город Сыгнак был захвачен хорезмшахом Текешем, в том же году в Дженд пришел кыпчакский хан Алп-Кара Уран с изъявлением покорности, возможно вызванной потерей Сыгнака. Он привел с собой сына Кырана, вождя «сыновей югуров» (очевидно, потомки группы уйгуров, бежавших после падения Уйгурского каганата в 840 г. к кимакам и признавших «покровительства» сына хана династийного племени). Хан и его сын приняли ислам, а сам хорезмшах Текеш женился на дочери Кадыр-хана, внучке хана Алп-Кара Урана Теркен-хатун. Племя уран, по мнению С.М. Ахинжанова, было из йемеков, которые были потомками монгольского, по сообщению Несеви, племени каи. Это племя, став одним из династийных, пользовалось большим влиянием при сыне Текеша хорезмшахе Мухаммаде II (1200–1220 гг.), находившемся под большим влиянием своей матери, которая была из племени уран (по данным других авторов она была из племени канглы). Выходцы из племени уран заняли важные государственные посты, в частности наместником города Отрара был назначен кузен хорезмшаха Мухаммада (племянник его матери). Уже при правлении хорезмшахов Иль-Арслана (годы правления 1156–1172 гг.) и его сына Алаэддина Текеша (1172–1200 гг.) основными частями хорезмийской армии стали наемники из числа кыпчаков. Накануне монгольского вторжения кыпчаки буквально наводнили страну, составляя и в мирное время основу армии (например, у Теркен-ханум в каче-

стве личной охраны был 10-тысячный отряд ее соплеменников) и вооруженных гарнизонов многих городов. Борясь со своеволием своей властной матери и неподчинением «кипчакских родственников» (например, в 1210 году он подавлял восстание кыпчаков близ Дженда, в 1216 году совершил поход против Кадыр-хана в Дешт-и Кипчак, где встретился с монгольским отрядом, который преследовал меркитов), Мухаммад II не доверял кыпчакам в своих войсках, этим во многом объясняется его уклонение от решительного сражения с монголами в 1218–1220 гг. И действительно, лишь Каир-хан Инальчик, наместник Отрара и виновник «отрарской трагедии» (убийство послов и купцов монгольского каравана в 1218 гг.), чувствуя «расплату» отчаянного защищал город, а потом и цитадель города от превосходящих монгольских сил. Сын Мухаммада Джелал ад-дин был женат на женщине того же племени, что и Теркен-хатун, его сын – на дочери хана племени канглы. Джелал ад-дин долго воевал с монголами (и с народами Южного Кавказа). Возможно кипчакские племена, связанные родством с династией хорезмшахов отчаянно сопротивлялись монголам, чувствуя свою незавидную участь (мусульманские авторы, описывая монгольское завоевание Хорезма, не отмечают «героические подвиги» его кипчакских защитников, отмечая лишь беспощадное уничтожение монголами канглы, возможно как наиболее организованное и потому опасное племя).

Остальные племена кыпчаков, за исключением обитавших в Дешт-и Кипчаке, бежали из Хорезма, либо переходили на сторону завоевателей. Даже в Дешт-и Кипчаке далеко не все местные племена оказывали сопротивление монголам, хотя письменные источники не дают точного представления о политической обстановке в Дешт-и Кипчаке накануне и в ходе монгольского вторжения в 1218–1229 годах. Имеющиеся письменные источники сообщают лишь о двух случаях в позиции местных племен по отношению к монголам. По сообщению династийной хроники «Юаньпи» один из военных сподвижников монголов Тутуха был из племени «Циньча» (кыпчак), территорией которого первоначально была у гор Аньдоган на реке Жэлянчуань, откуда его племя мигрировало на северо-запад и обосновалось у гор Юйболи при «государе» Цюйу (ок. 1115–1125 гг.). По мнению П. Пелльо переселенцы были из племени байаут (Рашид-ад-Дин упоминает это племя на реке Селенге), а имя «кипчак» племя «присвоило» на новом месте. По мнению С. Ахинжанова существует две версии сходные в том, что некое горное племя (Аньдозань) переселилось близ гор Юйлиболи (Урал), их вождь (Кунан) назвал свое владение Киньча, а байауты приняли этноним юйлиболи (ильбари, эльбули, ольбурлик); таким образом, монгольское племя байаут с Селенги стало тюркским «эль бурли» («народ волка»). Но не это главное. В 1216 году именно к этому племени откочевали меркиты, спасаясь от Чингисхана. Преследуя меркитов, шел монгольский отряд Субэдэй-багатура; он нагнал и разгромил меркитов в р-не реки Иргиз. Были ли вместе с меркитами в бою союзные им кыпчаки – в источнике ответа нет. Опасаясь мести монголов за согласия кыпчаков принять меркитов сын «провинившегося» хана Тутухта отправил посла к Чингисхану с выражением покорности. С другой стороны Рашид-ад-дин и Джувейни свидетельствуют, что после нескольких битв, проигранных кыпчаками монголам, им оказывал сопротивление только отряд некоего Бачмана, из кыпчаков племени ольбурлик (т. е. те же эль бурли, борили), пока не погиб в дельте Волги в 1237 году. Сходная ситуация была и в Западном Кипчаке (см. половцы).

Физический облик племен Дешт-и Кипчака

Антропологическим изучением древнетюркских кочевников занимались Г.Ф. Дебец (1948 г.), В.В. Гинзбург (1946, 1954, 1956 гг.), В.П. Алексеев (1961 г.), Н.Н. Миклашевская (1956, 1959 гг.), Б.В. Фирштейн (1967), О. Исмагулов (1982) и другие.

Из их опубликованных материалов хорошо видно, что на крайнем востоке расселения тюркские племена обладали хорошо выраженным монголоидным расовым типом. В Южной Сибири, на Алтае и в Казахстане антропологический тип тюркских кочевников средневековья характеризовался разной степенью смешения монголоидной и европеоидной рас, причем соотношение монголоидных и европеоидных черт в расовых типах отдельных племен не следует строго последовательно с востока на запад, как это можно было бы предположить.

Погребения тюрков очень сходны на всей территории их расселения, отличаясь лишь деталями. Их курганы представляют собой небольшие земляные или каменные насыпи. Погребения производили в грунтовой яме, иногда в подбое, иногда в деревянном ящике. Тело (с 634 г.) укладывалось в вытянутом положении на спине, головой на запад (булгары, хазары, печенеги, обузы) или северо-восток (кимаки, кыпчаки и другие восточно-тюркские племена). В инвентаре погребения были найдены принадлежности конной сбруи, оружие, посуда, кости домашних животных, в погребениях женщин – ножницы, шила, украшения, зеркала. Особенностью древних тюрков, сиров, кимаков и кыпчаков были погребения с конем (целая туша или голова и конечности), кроме того, на курганах ставились каменные антропоморфные статуи в сидячем или стоячем положении, мужские и женские, лицом на восток.

Физический облик сеяньто не известен, можно лишь предположить, что он не слишком отличался от расовых черт древнетюркского этноса, который обладал, судя по каменным изваяниям, чертами монголоидной расы. Переселившись на Северный Алтай сеяньто, т. е. уже кыпчаки, подчинили себе местные племена и смешались с ними, приобретя несколько иные расовые черты. По данным Г.Ф. Дебеца население Северного Алтая в VIII–X вв. (сросткинская археологическая культура) характеризовалось мезокранией (гол. указ. 78,2), несколько уплощенным широким лицом (скул, диаметр – 140,4 мм), средневыступающий нос (угол выступания носа – 25,1). В целом это были люди смешанного в расовом (европеоидно-монголоидной расы) отношении типа. С Северного Алтая кыпчаки продвигаются на территорию современного Казахстана, где продолжают смешиваться с местными племенами, также относившимся к различным вариантам смешанных между европеоидной и монголоидной расами типов.

Расовую принадлежность племён Дешт-и Кипчака изучил казахстанский антрополог О. Исмагулов. По его данным кимаки (Прииртышье и Восточный Казахстан) характеризуются крупной головой, брахикранией (г.у. 81,0), средненаклонным лбом, широким (ск. д. 134–140 мм) лицом, значительно, хотя и не очень резко выступающим носом. Головы женщин были длиннее, чем у мужчин, в пределах мезокрании (г.у. 78,5), среднешироким лицом (ск. д. 126–129 мм), слабее выступающим носом. В целом тип кимаков характеризуется смешанным (монголоидно-европеоидным) типом, но с преобладанием (особенно в Прииртышье) европеоидных признаков. Кыпчаки более монголоидны: мужчины характеризуются большей брахикранией (г.у. 84,2–85,8), более широким лицом (ск. д. 142,3–143,2 мм), слабо выступающим носом (угол выступания – 22,0–22,9) – характерные признаки южносибирской (европеоидно-монголоидной) расы. Несколько более монголоидными оказались кыпчаки р-на реки Урал. Указанные данные имеют средние показания; индивидуальные (по отдельным признакам) имеют некоторые отклонения в сторону европеоидности или монголоидности. Помимо степных кочевников, в городах и сельских поселениях проживали выходцы с южных областей – Хорезма, Согда, а также рабы разного этнического происхождения.

В целом, племена Дешт-и Кипчака характеризовались смягченным вариантом южносибирской расы, в котором сочетание европеоидных и монголоидных черт было в XII в. примерно поровну (50:50, Исмагулов, 1982). Если сравнить исторических кыпчаков с современными народами, то по физическому облику (соматологически) наиболее близкими к ним окажутся юго-восточные башкиры и казахи Западного Казахстана.

Мнения о светловолосости и европеоидности кыпчаков, основанные на сомнительных китайских и иных (арабских, грузинских) письменных источниках и авторитетных исследованиях (Л.Н. Гумилев), в настоящее время можно считать неверными. Разумеется, отдельные индивиды из них могли иметь нетипичную для физического облика людей южно сибирской расы с изрядной долей монголоидных черт внешность, но в массе это были люди смуглые, черноволосые и кареглазые, слегка скуластые и узкоглазые с прямыми жесткими волосами, заплетенными в косы (судя по каменным статуям).

Источники из сочинений, написанных людьми, носят субъективные мнения их авторов в зависимости от их симпатий или антипатий. Более объективны данные палеоантропологии.

Язык

О языках тюркских племен, в том числе кыпчаков, ценную информацию содержит «Свод тюркской лексики» (Диван лугат ат-турк, 1074/Махмуда ибн Хусейна ибн Мухаммеда ал Кашгари. Согласно его данным, в XI в. существовал единый тюркский язык, подразделявшийся на наречия: западное (на нём говорили племена булгар, сувар, печенег, огуз, кыпчак, йемек) и восточное (чигиль, тухси, ягма, ыграк, джарук, кыргыз, уйгур и кроме того было «хаканское» наречие); племена «кай, ябаку, татар, басмыл говорят на своих языках (по мнению В.В. Бартольда – монгольской группы), вместе с тем, они хорошо говорят и по-тюркски» (Советская тюркология, 1972, 1, с. 13–14). Таким образом, кочевые племена по языку подразделяются на: 1) говорящих на наречиях тюркского языка (15 племен) и 2) двуязычных, говорящих на тюркском языке и имеющие «свои языки» (5 племен или племенных групп).

Древнетюркский язык подразделялся, по данным Махмуда ал Кашгари, на западное и восточное наречия. Наречия отличались друг от друга произношением многих слов – во многих словах сочетались звуки б/м: западное «бен» соответствует восточному «мен» («я»), бинг– минг («1000»), звуки х/к, например, *хызым– кызым* («дочь»), а также некоторые другие сочетания: *тебе – тывы* («верблюды»), *азак – айак* («нога») и т. д., а также лексикой.

Из 52 слов кыпчакского диалекта 16 слов свойственны только кыпчакскому диалекту, т. е. отличные от других диалектов, 32 – общие с огузским, 6 – с йемекским, 6 – с суварским, 5 – с ягма (Курышжанов, 1974, 1, с. 52). Таким образом, к кыпчакскому диалекту наиболее близко по лексике был огузский, а не йемекский диалект, как можно предположить исходя из географии расселения и исторической общности этих племенных групп.

Хозяйство

Скотоводство

Кыпчаки занимались скотоводством, разводили в основном овец, лошадей и верблюдов; крупный рогатый скот занимал в их хозяйстве незначительное место, так как он не приспособлен к условиям круглогодичного выпаса, к добыванию зимой корма из-под снега. Ведущее место занимали овцы, которые давали всё: мясо и молоко для пищи, кожу и шерсть для одежды и обуви, из сала изготавливали хозяйственное мыло. Кыпчакские овцы отличались выносливостью и крупными размерами. Очень многое в жизни кочевников значила лошадь. Служа ему как транспортное (под верх и в повозке) средство, лошадь давала кожу для одежды и гриву для производства веревок. А мясо и молоко (кумыс) служили лучшей едой и питьем. Охота верхом и конные состязания были спутниками многих праздников. Без боевого коня нельзя было представить себе воина. Степные лошади отличались большой выносливостью, неприхотливостью, легко переносили суровые условия круглогодичного выпаса на подножном корме – все это сказывалось на внешнем виде лошадей: они были невелики ростом, редко красивые статуями. Породистые скакуны (аргамаки) были редкостью в Дешт-и Кипчаке, ими владели ханы и аристократия. Уже тогда славились туркменские лошади¹. Значительное место, особенно на юге, занимало верблюдоводство: верблюды были незаменимы при перекочевках и перевозках грузов (напр., перевозки домов-кибиток, поставленных на колеса). Кроме того, верблюжьей шерстью использовали в изготовлении одежды и ковров, а напиток из молока (шубат) ценился наравне с кумысом. Разводили (как и в Центральной Азии) двугорбых верблюдов, привычных к суровому климату Восточного Дешт-и Кипчака. Там, где позволяли природные условия и образ жизни, разводили крупный рогатый скот, помимо использования в пищу и приготовления одежды, быки использовались как гужевые животные. Кочевали с временным (сезонным) оседанием: зимой на юге (зимовки близ рек Сыр-Дарья, Чу и их притоков во владениях ханов из племени уран, в Приуралье, в низовьях Волги и Яика – владенье ханов – ильбари), а летом на севере (летовки – в верховьях Урала на Тоболе-Ишиме до низовьев Иртыша), весной и осенью кочевали по пути к летовкам или зимовкам, останавливаясь на время, пока скот не употребит всю траву. Пастбища на летовках и зимовках являлись собственностью родов и племен.

Кочевали кыпчаки в кибитках «кюйме» (жилища из войлока или шкур животных), установленных на больших четырехколесных повозках и малых – двухколесных арбах. В больших кибитках ездили старики, дети, женщины, в малых – знатные старики или женщины (ханы, не способные ездить верхом, пожилые «хатун»).

Земледелие. Охота и рыболовство

Добровольно заниматься земледелием кочевник-скотовод не станет, лишь в случае потери скота или невозможности вести кочевой образ жизни (болезнь, физические недостатки и т. п.) вынудят такого «заброшенного» (ятук) судьбой перейти к оседлости и заняться выращиванием простейшей культуры – проса (ал Омари, XIV в.). Земледелием занималось соседнее с кочевниками население и колонисты с юга. Между кочевниками и оседлыми

¹ Коня почитали настолько, что со смертью хозяина (обычно им был воин) его боевого коня убивали и хоронили рядом (слева от трупа).

народами существовал обмен: земледельцы поставляли свои продукты питания в обмен на мясо, кожу, шерсть, молочную продукцию в определенных местах. Часто «ятуки» служили пастухами у своих богатых сородичей. Иногда они занимались конокрадством, хотя это преступление строго наказывалось: «тот, у кого найдут краденого коня, обязан возратить его хозяину и дать ему девять таких же коней, если нет коней – забрать у него ребенка, а если и его не было – вора убивали» (Ибн-Баттута, XIV в.).

Имея лошадь, «ятук» мог промышлять охотой, хотя это было опасным занятием – охотиться в одиночку. Кочевник, не имеющий коня, мог заняться рыболовством и стать рыбаком («балыкчи»), но оно было самым непрестижным занятием в степи. Известны оседлые поселения в Дешт-и Кипчаке, главным образом, в горных районах (в Улутау, например, найдены развалины поселений), на берегах рек Ишима, низовьев Нуры, на Иртыше и Яике; на Сыр-Дарье располагалось много городов, где развивалась торговля (среди купечества или в охране торговых караванов, несомненно, были и кыпчаки).

Ремесло было развито очень слабо: господствовало натуральное хозяйство; причем существовало жесткое распределение обязанностей: «Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют попечение о стадах... Они (мужчины) охотятся и упражняются в стрельбе, а жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов...» (Плано Карпини). Но были и профессиональные специалисты по отдельным видам ремесла, напр., изготовители луков («йачи»), стрел («окчи») и копий («сунучи»), рудокопы и кузнецы («темирчи»). Очевидно, были и мастера по изготовлению каменных статуй, устанавливаемых на курганах, где погребались знатные покойники (см. религия).

Социальный состав кыпчаков

Дешт-и Кипчак, Степь Кыпчаков, по-тюркски Кум Кыпчак или Кыпчакстан, как называлась бы эта страна в настоящее время. Она, эта страна, никогда не была государством, вопреки мнению некоторых казахстанских историков². По мнению С.М. Ахинжанова, в Дешт-и Кипчаке (на территории современного Казахстана) располагались в XII – нач. XIII вв. три основных владения: владение племени уран (из йемеков-каи) на востоке степи с центром в городе Сыгнак, владение династийного племени ильбари (в Центральном и Западном Казахстане) и некоего владения на Мангышлаке, где был «свой царь», но до сер. XII в., когда это владение упоминается в последний раз (Ахинжанов, 1989).

Эти владения управлялись ханами из определенных, т. н. «династийных», племен, следовательно, и ханские племена считались «знатными» среди других племен; на социальной лестнице ниже хана стояли беги (беки), ещё ниже были свободные общинники, ещё ниже – зависимые люди, невольники (рабы). Рабство было патриархальным. Главным источником пополнения рабов – набеги, межплеменные войны; в неволю обычно увозили женщин, девушек, иногда мальчиков и юношей, намного реже – взрослых мужчин, особенно воинов. Стремление кыпчаков захватить в плен, прежде всего, девушек и женщин явно указывает на преобладание в кыпчакском обществе домашнего рабства; они чаще оставались в пределах племени, их захвативших, в то время как юноши и немногочисленные мужчины из мирных жителей продавались или выпускались за выкуп (обычно знатные пленники). Рабы (кул) и рабыни (курнак, яланкуг) выполняли самую тяжелую и грязную работу; красивые невольницы становились наложницами хозяина (хана, бега и т. п.). Социальный статус детей от наложниц не определен (нет подобных сведений в нарративных источниках XII–XIII вв.).

² Напр., Б. Кумекова в статье «К кыпчакско-магьярским связям» // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX., XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995. – С. 71.

Этнический состав населения Дешт-и Кипчака

По сообщению мусульманских авторов XIV в. Ахмеда ат-Тани (1235–1318 гг.) и ад Димашки (1301–1349 гг.): в Дешт-и Кипчаке (современный Казахстан) кочевали эльбори (борили), барак, дортоба (дурут), бурджоглы, йемек, токсоба, йетиоба, манкуроглы, ал-арс, куманлу, башкурт, карабаглы, уз, джортан (шортан), баджанак и кара-берекли, из которых ханскими (династийными) были эльбори (иль-бари) и токсоба (племенной союз из 9 родов), т. е. токуз оба; в XII в. севернее Приуралья образовался новый племенной союз канглы, получивший в XIII в. широкую известность благодаря их политической активности в период монгольского нашествия. В перечне имен узнаваемы по разным источникам огузы (узы), печенеги (баджанак, возможно караберекли), аланы (ал-арс), известно, что тортоба («дурут» в источнике) были кыпчакского (Ибн Халдун) происхождения, а токсоба – монгольского, кыпчакскими очевидно были и эльбори (борили), так как они были ханским племенем. Племени с этнонимом «кыпчак» указанные авторы (как и другие авторы XII–XIII вв.) не знали. В восточных источниках кыпчаками называли все племена Дешт-и Кипчака: например, Ибн-Халдун, перечислив в своём труде «Книга поучительных примеров» (1400 г.) одиннадцать кыпчакских племён, добавил, что «они не одного рода», т. е. этнического происхождения (Кумеков, 1993, с.72).

Верования

Кыпчаки XI–XII вв. исповедовали шаманизм, в его особой форме – тенгрианство. Владыкой Верхнего мира и верховным божеством является Тенгри, он определяет сроки жизни людей, но рождениями их «распоряжалась» Умай – богиня плодородия. Владыкой Среднего мира и верховным было божество «Священная Земля – Вода» (Ыдун Иер-Суб). Владыкой Нижнего мира был Эрклиг, ведающий смертью всех живых существ. Помимо главных существовало множество второстепенных божеств, в том числе Солнце (Кун) и Луна (Ай), а также вера в родство с некоторыми животными, тотемизм. Для большинства тюркских племен главным тотемом был сивый волк.

Особое место в верованиях кыпчакских племен занимал культ предков. Он выражался в установке каменных антропоморфных фигур (т. н. «каменных баб») вблизи погребений знатных, почитаемых мужчин и женщин (детских статуй нет). Статуи ставились на возвышенных местах лицом на восток. Статуи (X–XI вв.) были изготовлены примитивно, изображение (прорисовка) лица – схематично, более поздние стали выполняться художественнее и реалистичнее. В Дешт-и Кипчаке известны только ранние изваяния, в том числе 115 древнетюркского происхождения и 108 – кыпчакского. Кстати, сиры, предки кыпчаков, не ставили каменные изваяния, этот обычай очевидно появился позже.

Уже в конце XI века среди кыпчаков распространяется ислам: вначале среди выходцев из степи, поселившихся в мусульманских городах по берегам Сыр-Дарьи или переселившихся в Хорезм. В XII в. ислам принимают кипчаки: аристократия и воины, прежде всего династийного племени уран, в т. ч. хан Кыран (Кадыр-хан) и Алп-Дерек (Кайир-хан). Но в глубине Дешт-и Кипчака, вдали от границ Хорезма и мусульманских городов юга, кыпчакские племена строго придерживались религии предков, почитали своих шаманов («камов») и гадалей («ямгурчи»).

Половцы / куманы / куны

Источники: материалы археологии и палеоантропологии; древнерусские летописи («Повесть временных лет» и другие) и литературные памятники, византийские и венгерские хроники; сочинения мусульманских авторов – Шафара аз-Замана Тахира Марвази (XII в.), Абу Рейхана ал Бируни (XI в.), Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Мухаммада ал Идриси (XII в.); сочинений грузинских авторов – Джуан-шера (конец XI в.), Леонтия Мровели (сер. XI века) и других, сведения которых связаны в хронику «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии»), а также Анонима, создателя древнерусской «Повести о полку Игореве» (конец XII века).

В качестве *литературы* использованы исследования Алексеюка М.И., Анчабадзе З.В., Баскакова Н.А., Вайнштейна С.И., Великановой М.С., Герасимовой М.М., Добродомова И.Г., Добролюбского А.С., Жаворонкова П.И., Князький И.О., Кумекова Б.Е., Мургулия М.П., Плетневой А.С., Попова А.И., Толочко П.П., Федорова-Давыдова Г.А., Шевченко А.В., Шушарина В.П. и других авторов.

Введение

Степь от Волги (Итиля) до Алтая, получившая в сочинениях восточных авторов наименование Дешт-и Кипчак (т. е. Степь Кипчаков или Кипчакская степь), населялась многочисленными племенами кочевников, названных кыпчаками. Западнее же Итиля в то время господствовали в степи печенеги, изгнавшие из Северного Причерноморья мадьяр и подчинившие отдельные группы прежних обитателей степи – аланов и булгар, кое-где в Крыму и хазар.

И вдруг в 1050 г. на южных границах Руси русскими «сторожами» замечены новые в этих местах кочевые группы – торки, уже известные на Руси по совместному походу на волжских булгар в 985 г., но тогда они кочевали за Волгой. Что же привело торков к рубежам Руси?

Появление новых племен на границе обеспокоило переяславльского князя Всеволода Ярославича. Узнав, что торки обосновались близ русского городка Воин и занимаются грабежом пограничных сёл, князь в 1055 г. организовал на них поход. Разгромив и отогнав в степь торков, он встретил людей неизвестного досель на Руси народа;

заключив с их предводителем – ханом Болушем мир, очевидно князь захотел поближе познакомиться с новыми пришельцами и, прежде всего, узнать кто они, «какого роду-племени». Их ответ – «сары» (дословно – «желтые») был, вероятно, диковен для русин (так называли себя жители Южной Руси) – цветное обозначение народа не было принято на Руси, потому и перевели слово «сары» – солома (солома, по цвету соответственно – «сары»), так назвали новых пришельцев и повстречавшихся вслед за ними другие племена кочевников – «половцы». В 1061 году произошло первое нападение половцев на Русь – и началась непростая история взаимоотношений кочевых племен – половцев с оседлой Русью.

С 1096 года стали известны на Руси и другие группы племен – куны и куманы, но всех их продолжали называть по первому встретившемуся племени – половцами («сарынями» как называет летописец их самоназвание в древнерусском произношении). Кто же такие эти племена: сары – половцы, куны, куманы? Откуда они? Почему пришли в степи Северного Причерноморья и Северного Кавказа?

В поисках родины

А началось движение этих племен далеко на востоке, у границ Китая, страны получившей свое название в некоторых языках, в т. ч. в русском, от этнонима «кидани» («кытай» в тюркском произношении). В 907 г. кидани создали свое государство (названное Ляо, 947-1125 гг.), распространившее свою власть от Японского моря до восточных отрогов Тибета. Его возвышение означало, что в Центральной Азии господство тюркских племен, создавших Тюркский, Уйгурский и Кыргызский каганаты сменилось доминированием монгольских племен. Сложившаяся ситуация вынудила многие тюркские племена, оказавшиеся близ границ киданского государства откочевать на Запад. Об этом кратко сообщает придворный врач сельджукского султана Маликшаха Шараф аз Заман Тахир Марвази (т. е. уроженец Мерва) в своем трактате «Природа животных» (1120 г.), где нашлось место для сведений по истории и этнографии, сообщает: «среди них (тюрков) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. За кунами последовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их (кунов). Куны переселились на землю шары, а шары переселились на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Чёрного) моря» (цитата из книги Кляшторный, Султанов, 2004, с. 133.). Страна Кытай – государство киданей с центром в бассейне реки Шара-Мурэн (ныне Внутренняя Монголия, КНР), туркменами в X–XII вв. восточные авторы называли тюрков, принявших ислам (в данном случае ими были карлуки Семиречья).

Таким образом, миграцию на запад начали куны, бежавшие от киданской угрозы покорения, на новом месте они подверглись нападению каи, «которые сильнее и многочисленнее их» (Марвази). Когда и откуда началось движение, каков был характер взаимоотношений между мигрантами и племенами, по территории которых они продвигались, в частности с кыпчаками, точно не известно. Можно лишь предположить следующее, рассмотрев этническую историю племён – участников этой миграции.

КУНЫ. Одно из древних тюркских племён, занимавших видное место в конфедерации теле. Упоминается в китайской хронике династии Суй (581–618 гг.) и Тан (618–906 гг.) под этнонимом хун наряду с племенами вэйхо (уйгуры) и сеяньто (будущие кыпчаки). В VII–VIII вв. куны входили в состав токуз-огузов, а в 745–840 гг. – Уйгурского каганата. После его падения они откочевали на восток, где в начале

X века оказались в сфере влияния киданей. Очевидно, в этом веке и произошёл первый этап миграции. В 1029 году Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмед ал Бируни (973-1048 гг.), находясь на службе при дворе султана Махмуда Газневи, упоминает в своём сочинении «Тафхеме» неизвестных дотоле мусульманскому миру кунов и их соседей – каи. Махмуд Кашгари в своём «Собрании тюркских наречий» (1074 г.) называет каи племенем, знающим «свой (не тюркский) язык», но хорошо говорящими по-тюркски и помещает их вблизи ябаку, чомулов и басмылов, обитавших на территории от Восточного Семиречья, через Джунгарию и Алтай до Оби. О кунах Махмуд Кашгари не пишет, не сообщает о них в составе племён Дешти-Кипчака и мусульманские авторы более позднего времени. Они известны на Руси, а в Венгрии их этноним стал наименованием всех тюркских кочевников с 1070 года до монголо-татарского нашествия на страну в 1241 году. Кунами же называют и потомков тех же половцев и куманов, бежавших от монголов и поселившихся в Венгрии. На Руси этноним «куны» (в древнерусских источниках – хины, чины) не вытеснил этникон «половцы», но в некоторых случаях оба названия сливаются, образуя новый – «сорочины» или «сорочинцы» (Добродомов, 1978 г.).

Среди некоторых исследователей бытует мнение, что куны и куманы – один этнос: этникон «куман» – производное от термина «кун». Мнение ошибочное: это разные племена, и географически, и исторически, и лингвистически (в пределах тюркского языка), как различна семантика их этнонима.

КАИ. Судя по этнониму (монгольск. – «змея») и по свидетельству М. Кашгари о двуязычности каи (имели свой язык, но хорошо говорили по-тюркски), сей этнос был монгольского происхождения и в XI в. процесс его тюркизации ещё не завершился. В мусульманских источниках каи впервые упоминаются в «Тафхеме» Бируни в 1029 г. вместе с куманами по соседству с племенами чомул, ябаку и басмыл, причём известно, что последние обитали в северной части современной Джунгарии (Синьцзян, КНР). Каи обычно отождествляются с монголоязычными племенами «си», родственными киданям, причём, по мнению С.Г. Кляшторного, часть их («белые си») упоминаются китайскими источниками VII в. в составе племён теле, но веком позже в составе токуз-огузов (уйгур, байырку, буку, киби, кун/хун, сёгир, тонра) их нет. Возможно, и были связи каи с тюрками, но во времена Махмуда ал Кашгари они ещё сохраняли монгольский язык и монгольский этноним. Мнение С.М. Ахинжанова о тождестве каи и кимаков, т. е. йемеков противоречит Махмуду Кашгари, который отделяет их друг от друга и сообщает о тюркоязычности йемеков и двуязычности каи.

Каи стали той внешней силой, которая вызвала миграционную волну: каи – куны – шары (сары) – куманы. Возможно, продвигаясь вслед за куманами каи по территории, известной в мусульманских источниках с 1030 г. как Дешт-и Кипчак, каи разделились. Часть их обосновалась на средней Сыр-Дарье, став известным (XII в.) племенем «уран» (тюркский эквивалент «каи») и оставив топонимы с уран-кай, в частности, урочище Урангай близ современного гор. Туркестана. Другая часть оказалась в составе огузов – племя кайы, из которого был Осман-бей, основатель династии султанов Османской империи. Третья часть продолжала движение в арьергарде миграции и оказалась в Восточной Европе, но их этноним не получил среди новых соседей такую известность, какую получили первые племена этой миграции – куманы, сары (половцы) и куны. Упоминаются они лишь в русской летописи довольно поздно – в 1160 г. половецким названием (кайопа) – каепичи, но в составе Чёрных Клобуков (печенегов, торков и других тюркских племён – вассалов русских князей). В конце XI века на Руси и в Византии половецкий (на Руси) или куманский (в Византии) был хорошо известен хан Тугоркан, ставший прототипом былинного Тугарина Змея. Вторая часть его былинного имени наводит на мысль: не был ли Тугоркан ханом каепичей? Тугоркан был тестем киевского князя Святополка и после гибели хана под Переяславлем (1096 г.), Святополк похоронил тестя, забрал к себе его семью и возможно часть сородичей хана – каепичей, поселив их в Поросье, среди своих тюркских вассалов. Один из сыновей Тугоркана стал родоначальником русских дворян Псковкой губернии Половцовых. Топонимы типа «змей, змий» известны во многих районах Украины, как например, к югу от Харькова, где располагались зимние становища половцев, был город Змиев (ныне Украина).

ШАРЫ/САРЫ. В отличие от кунов и каи этническая сущность шары, или сары вызывает много вопросов. Тюркоязычность их признаётся всеми исследователями, но в перечне племён в сочинении Махмуда Кашгари сары нет. По мнению С.Г. Кляшторного, в период жизни Махмуда аль Кашгари сары входили в состав басмылов (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 136). Термин «сары» упоминается в качестве определения подразделений в составе многих этносов. Так, после распада первого Тюркского каганата (630 г.), китайские источники выделяют среди покорённых племён тюрков-ашина (кёк-тюрки, «голубые») и тюрков-шели (тюрков-сары «жёлтые»), о них же, т. е. тюрках-сары пишет в донесении императорскому двору китайский пограничный чиновник в 735 г. (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 136–137). Были сары и в составе тюргешей, которые имели в Семиречье свой каганат (см.: «тюргеши» в приложении № 4). Наконец, Марвази сообщает о группе шары, бежавшей от

мусульман к язычникам из-за нежелания принять ислам. Автор пишет: «Путник, идущий к китаям на расстоянии в полмесяца пути от Санджу, достигает группу шары, которая известна по имени их главы, называвшегося Басмыл. Они убежали в эти места от ислама, боясь обрезания» (Ахинжанов, 1989, с. 185). Правда, Басмыл – этноним, не имя. Басмылы – объединение из этнических групп разного происхождения, хорошо известны в орхоно-енисейских надписях (в памятнике Элетмиш Бильге-кагана они названы «сорокаплеменными басмылами», 760 г.) и в китайских источниках («басими») на территории Южной Джунгарии (см. «басмылы» в приложении № 4). Очевидно, это те шары, на которых, по сообщению того же Марвази, напали куны. Таким образом, имеется несколько вариантов этнической принадлежности сары. Возможны две версии происхождения: по одной версии сары происходят от тюрков-шели, которые после падения второго Тюркского каганата (744 г.), возможно бежали к басмылам, по другой (и наиболее доказательной) версии сары являются потомками части сары-тюргешей, бежавших «от ислама» и сохранивших свой древний (VIII век) этноним (потомки тюргешей, принявшие ислам, известны как тухси). Доказательства второй версии следующие: 1) судя по сообщению Марвази о миграции, которая шла с востока на запад («каи – куны – шары – туркмены»), территория шары находилась западнее территории кай и кунов, но восточнее территории, так называемых, туркмен, т. е. тюрков-мусульман (государство Караханидов) т. е. между Джунгарией и Семиречьем, это территория басмылов; 2) по его же сведению, шары известны по имени своего предводителя, а он – Басмыл, значит, и шары – «басмылы»; 3) по сообщению Ибн аль-Асира, в 1043 году 10 тысяч кочевников, чьи зимовки находились вблизи столицы государства Караханидов Баласагуна (город располагался на берегу реки Чу, в Семиречье) приняли ислам, не известно какое племя стало мусульманами, но вполне возможно, что это были сары и что именно из них была группа, бежавшая к басмылам, не желая принять ислам; 4) позы и детали каменных изваяний (фигуры мужчин, и главное, женщин с сосудом в обеих руках), характерные для половецких статуй, были характерны и для большого числа изваяний VIII–X вв., найденных в Семиречье (только у тюргешей и у половцев изваяли в большом числе женские статуи). Таким образом, версия происхождения «марвазинских» сары (шары) от сары-тюргешей находит большую аргументацию, чем другие версии. Правда, Марвази, определяя территорию сары, назвал её в половину месяца пути от Санджу (Шачжоу или Дун-хуан в провинции Ганьсу, Китай) «к китаям», т. е. государство киданей (Северный Китай), ещё существовавшее в год написания сочинения Марвази (1120 г.). И, исходя из данного сообщения, В.Ф.Минорский определил территорию этой группы сары близ Эдзин-гола (Ахинжанов, 1989, с. 185). Явное недоумение: не могли сары, живущие по соседству с Эдзин-голом (там жили тангуты, на этой реке сейчас находятся развалины их города Хара-Хото) быть под опекой басмылов (имея своим главой Басмыла), не могли на них напасть куны – далекоавато они были друг от друга. Здесь явная ошибка – или самого Марвази или переводчика его сочинения. Очевидно, следует не «к китаям», а «от китаев» и тогда все станет на место. Чтобы преодолеть это недоумение В.Ф.Минорский разделил сары на две группы: одну он поместил у Эдзин-гола, другую – у реки Сарысу в Центральном Казахстане (Дешт-и Кипчак в средневековье), что не соответствует порядку миграции (выпадают «туркмены», так как их территория оказалась восточнее сары).

Древнерусское название сары «половцами» (полова – т. е. солома) давно вызывало у исследователей различные мнения об этимологии этого термина. От «поле» и «полона» у А. Татищева (1744 г.) и А. Щекатова (1875 г.) до цвета их, мол, белокурых волос (А. Куник, 1875 г.). Когда выяснилось, что «половцы» – это калька тюркского «сары» (летописец пишет в 1096 году, что половцы «рекше: сарини есми», т. е. называли себя «сары», их этноним был им ошибочно воспринят так, как будто бы половцы называли себя сыновьями библейской Сары, что странно услышать это от язычников), мнение о светловолосости и европеоидно-

сти половцев/сары надолго утвердилось в исторической науке (подробнее об этом см.: И.Г. Добродомов, 1975).

Древнерусское наименование новых пришельцев «половцами» требует некоторого объяснения. Почему племя «сары» были названо не дословно «жёлтыми», а предметом, имеющим соответственную с этнонимом цветовую характеристику – жёлтой соломой, половой, полова – половцы? Дело в том, что в древнерусском языке отсутствовала традиция, подобная тюркской средневековой этнонимике с цветовым обозначением, например, стран света (кара – север, Кызыл – юг, ак – запад, кёк – восток, сары – центр). Согласно правилам грамматики древнерусского языка, этноним определялся как имя существительное и если он содержал в себе цветовую характеристику, то цвет выступал в качестве прилагательного к этнониму, например, белые хорваты в Закарпатье, чёрные болгары в Прикубанье. Самоназвание половцев, обозначенное прилагательным «жёлтые» («сары»), было переведено на древнерусский язык дословно, но именем существительным, по цвету аналогичным с оригиналом, т. е. жёлтые как солома.

КУМАНЫ/КОМАНЫ. Среди многих исследователей существует мнение, что «куман» – производное из термина «кун», а это значит, что куманы и куны – один этнос. Другие исследователи, приводя этимологию слов «куман/кубан» (кстати, древнетюркское «куба» означает цвет между жёлтым и красным, «Древнетюркский словарь», 1967) и «сары» к сходному значению – «бледно-жёлтый, светло-жёлтый», ставят знак равенства между этими разными этносами, тем более, что и в русской летописи под 1096 г. сообщается: «кумане, рекше половцы». Однако куны обитали на восточной окраине тюркского мира, в то время как куманы, по свидетельству арабских источников, кочевали в районе Мугоджар (Кумеков, 1993, с. 66–67), т. е. далеко на западе от кунов. Этимология этнонимов куман и сары также различна: если с «сары» всё понятно и бесспорно, то с «куманами» не так однозначно, возможна и иная этимология, предложенная К.Ш. Шаниязовым. Суть её в том, что «куман» – производное от тюркского куу – лебедь + ман – аффикс принадлежности, т. е. «племя лебедя», зная, сия птица была их тотемом. Кстати, в составе современных тувинцев имеются этнические группы (сеоки) куулар (лебеди) в Дзун-Хемском и сары (г) в Барун-Хемском районах Республики Тува (Сердобов, 1971). В составе племён Дашт-и Кыпчака упоминаются куманлу, а в Алтайском крае современный этнос – куманды кишилер (кумандинцы), этимология их этнонимов одинакова (первая – с огузских, вторая – с восточнотюркских языков) и означает – лебединцы, т. е., жители Лебяжьего. Языки куманов и сары не упоминаются в сочинении Махмуда Кашгари, но по географии территории их исконного обитания, можно предположить, что первые говорили на западном наречии тюркского языка, а вторые – на восточном. Возможно, между ними были отличия и в физическом облике: сары были более монголоидны, чем куманы, хотя палеоантропологических данных, подтверждающих это предположение нет. Письменные источники и каменные изваяния свидетельствуют о разнообразии расовых типов кочевников новой миграции. Однако, кто конкретно из них – куны, кай, сары, куманы – к какому расовому типу относились, определить почти невозможно: все эти этносы в источниках не различались и назывались обобщённо куманами в Византии, кунами в Венгрии, половцами на Руси, кыпчаками в Грузии и в странах Востока.

Завоевание Родины

Вначале я хотел назвать этот раздел «обретение родины», но подумав, как происходило это «обретение»: путём уничтожения, изгнания и покорения местных племён, зная, что таким же образом «обретут» её через 200 лет после прихода половцев монголо-татары, заменил слово «обретение» на «завоевание», что более точно характеризует данный процесс.

Итак, установление на востоке Великой степи господства киданей вызвало новое перемещение кочевых племён, в том числе и кунов. В сообщении Марвази о кунах отмечалось, что «они были христиане-несториане» (Кляшторный, Султанов, 2004, с.133), а в 998 году кидани («китай») изгнали от своих границ всех несториан (Гумилёв, 2002, с.664), в том числе и кунов. Хотя далеко не все куны были христианами (о том, что они христиане нет сообщений во всех, кроме Марвази, источниках, упоминавших кунов), они были вынуждены бежать, «боясь Кыта-хана» (Марвази). Поселившись на новых, очевидно тесных пастбищах (возможно, в восточных отрогах Тянь-Шаня), куны стали подвергаться набегам новых соседей – племен каи. Особо масштабное нападение на них каи повлекло за собой целую цепь миграций, вроде «малого переселения народов». Начало переселения можно датировать годом последнего упоминания каи и кунов вместе (1029 г.), а его концом – временем встречи на южной границе Руси князя Всеволода с половцами (сары) хана Болуша (1055 г.). Хотя возможно, что это был один из первых отрядов переселенцев, что миграция ещё не завершилась. Неизвестен точный маршрут следования племён. Известно, что путь их начался с Монгольского Алтая, шёл через Джунгарию и Семиречье, далее продолжался по территории, которая с 1030 г. стала известна в восточных источниках как Дешт-и Кипчак (эта миграция и способствовала возвышению кыпчаков), в каком-то месте мигранты переправились через Волгу (Итиль) и продолжили движение дальше на запад.

Каковы были отношения мигрантов с племенами на их пути, каково было взаимоотношение между племенами-мигрантами? Источники молчат. Вероятнее всего, узнавая о приближении такой массы мигрантов, кочевники в спешке бежали прочь, не успевшие откочевать вовлекались в движение. Очевидно, так произошло с куманами, которые при приближении переселенцев сами снялись со своих мест и откочевали, причём в ту же сторону, куда и пришельцы. Если в пути до Волги мигранты, очевидно, двигались в определённом порядке: каи – куны – сары – куманы, возможно, торки, то, перейдя через Волгу, так сказать, «нарушили строй»: после относительно узкого «коридора» пути перед ними простиралась без конца и края степь, занятая немногочисленными, а потому слабыми, племенами. Бывшие враги в новых условиях превратились в союзников, но путь их разделился. Судя по этниконам, закрепившимися за племенами, сары прошли по северной части причерноморских степей и стали известны на Руси под названием «половцы». Куманы – по южной, дав свой этноним в качестве названия (этникона) и другим, пришедшим с ними племенам, а куны проследовали между ними, первыми достигнув границ Венгрии, став там этниконом для остальных кочевых пришельцев.

Каи, следовавшие в арьергарде, остались в странах Восточной Европы почти неизвестными. Лишь на Руси в составе Чёрных Клобуков (союзные русским князьям тюркские племена – «остатки» разгромленных половцами печенегов, торков и берендеев, объединившиеся около 1147 г. в союз) в 1160 г. упоминаются «каепичи» – от кайопа (древнерусская форма типичного для половецких племенных названий типа «токсоба, йетоба» и т. д.). Вероятно, на новом месте племена каи были не так многочисленны и сильны как прежде (ведь часть каи осталась на прежней территории, где и упоминаются М.Кашгари в 1070-х гг., в то время как куны и сары ушли полностью и потому не упоминаются). О каи напоминает эпитет одного из известных в своё время половецких ханов – Тугоркана, прототипа былин-

ного Тугарина Змея (вариант – Змеевича). Сей хан был тестем киевского князя Святополка, и когда Тугоркан погиб в набеge на Русь (1096 г.), зять его похоронил и забрал к себе часть племени тестя, поселив их в Поросье, где среди печенежских погребений были обнаружены половецкие (Плетнёва, 2010, с.99). Один из сыновей Тугоркана стал основателем дворянского рода Половцовых Псковской губернии. Возможно, часть каи вошла в состав хорошо известных в XII в. токсобичей (как и каи они были, по сообщению арабского историка Ан-Нувайри, «татарского», т. е. монгольского происхождения): местность, где находились их зимние «вежи» изобиловали топонимами типа Змиев и т. п.

Итак, время и примерный маршрут новой миграции кочевников восточных степей, согласно данным источников, предстают следующим образом:

1027 г. куны и каи становятся известны аль Бируни, о чём он сообщает в 1029 г., эти племена тогда находились где-то близ страны енисейских кыргызов;

1030 г. Насири Хосроу свидетельствует о возвышении кыпчаков, чьим именем стала называться степь к северу от Хорезма;

1055 г. князь Всеволод встречает половцев хана Блуша близ границ Переяславльского княжества;

1059 г. половцы зафиксированы вблизи Киева;

1067 г. половцы, или возможно, куманы захватили близ византийского Танаиса в низовье Дона славянское поселение, назвав его Азак (Азов);

1074 г. Махмуд Кашгари упоминает племена каи на их прежней территории, очевидно, это оставшаяся часть каи;

1078 г. тмутораканский князь Олег ведёт половцев на Чернигов;

1078 г. куманы в низовье Дуная;

1086 г. в Венгрии свергнутый король Шоломон привел кочевников, вероятно, кунов, вернуть престол;

1092 г. галицкий князь Василько пошёл с половцами на поляков; очевидно, из древнерусского «половцы» происходит польское и чешское «плавци», а также венгерское «палоцок»;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.